Только у нас

Между тем в начале июля 1862 года из Петербурга (на заранее обговоренный адрес московского приятеля романиста) поступила телеграмма от А.В. Никитенко, призывающая его прибыть поскорее в столицу, где появилась подходящая для него служба. Иван Александрович, уже полтора года не получавший жалованья, не мешкая стал готовиться к отъезду. С сестрой Анной Александровной, очень озабоченной судьбой Дуняши, он обговаривает детали помещения девочки в московский частный пансион, в котором воспитывались дочери сестры Александры.

Погода тогда стояла прелестная, и он с племянником Александром, сыном брата, предпринимал продолжительные прогулки в Киндяковскую рощу, к Волге, в Поливну. Любил он прогуливаться пешком и с племянницей Софьей Кирмаловой. И уж в крайнем случае просил дать ему спокойных лошадей, «которые с третьего кнута с ноги на ногу переступят». Кстати, когда Александру Гончарову стал известен слух о том, что будто романист в то лето какое-то время обитал в Киндяковке, он опроверг его[21].

В начале июля было окончательно решено, что вместе с Иваном Александровичем до Москвы едут Анна Александровна с Дуняшей, а также дочка сестры Александры Александровны - Софья, воспитанница Казанского института благородных девиц. Что касается маршрута поездки, то самым удобным было плыть пароходом до Нижнего Новгорода, а оттуда до Москвы ехать на почтовых лошадях.

С какими чувствами покидал романист 11 июля 1862 года отчий край? Судя по письму, которое было написано 13 числа в каюте парохода «Успех» (компании «Самолет») давней знакомой Анне Ивановне Кукурановой (племянницей Николая Петровича Боткина), настроение у Ивана Александровича было хорошее. Не удалось, правда, в Симбирске поработать над «Обрывом», но зато он и в родном городе увидел несколько молодых людей, поведение и разговоры которых он учтет при создании образов Маркуши, Веры и Марфиньки. Да и наблюдения над картинами природы в саду Музалевских, а также в Киндяковке и Поливне помогли в обрисовке местности воображаемой Малиновки. Пребывание в Симбирске летом 1862-го, безусловно, внесло серьезные коррективы в план романа, особенно в тех главах, как подчеркивал П.С. Бейсов, «которые не вошли в основной текст романа»[22]. Некоторые впечатления от этого путешествия на родину писатель использует в очерке «Поездка по Волге».

Свое казанское письмо к Кукурановой Иван Александрович закончил словами: «Прощайте, если не навсегда, то уже надолго»[23]. Примерно с такой мыслью он покидал и Симбирск, ибо предстоящее путешествие было сопряжено с большими неудобствами. «От Нижнего, - вспоминала Е. Левенштейн, - ехали в двух тарантасах, на почтовых. Помню, около Владимира проезжали Муромскими лесами. Поговаривали о случаях нападения и ограбления путешественников. Даже ямщики - и те спешили проезжать некоторые места, зная, где может представиться опасность; им, привычным, и то было жутко. Помню, что хотя и редко, но встречались пикеты, охранявшие путь. Дядя часто смотрел в заднее окошечко повозки, не отрезаны ли наши чемоданы. Мы от страха мало спали, плохо ели... Наконец благополучно добрались до Москвы и там через два дня простились с Иваном Александровичем»[24].

Тем не менее ровно через год Иван Александрович подумывал о новой поездке в симбирское село Хухорево, чтобы повидаться с сестрой Александрой Кирмаловой, ее сыном Виктором и молодой снохой Дашей. В письме из Петербурга от 6 июля, сообщив об этом желании, он с грустью и полушутливо добавил: «если б вы жили не в трущобе. А там, где люди живут, т.е. на железной дороге или на большой реке, то я бы заглянул к вам дня на три»[25].

[21] *Вестник Европы, 1908, № 11, с. 23.*
[22] *Бейсов П.С. Гончаров и родной край. С. 78.*
[23] *Голос минувшего. Пгд., 1919, № 1–4, с. 239.*
[24] *И.А. Гончаров в воспоминаниях современников. Л.,1969. С. 96, 100.*
[25] *Вестник Европы, 1908, № 12. С. 433.*

Гончаров. Поиски и находки

(Продолжение. Начало в «УП» № 10 от 31 января, № 25 от 13 марта, № 34 от 3 апреля, № 37 от 10 апреля, № 40 от 17 апреля, № 42 от 24 апреля, № 48 от 15 мая, № 51 от 22 мая, № 54 от 29 мая, № 57 от 5 июня)

«Сон Обломова»! - этот великолепнейший эпизод, который останется в нашей словесности на вечные времена, был первым, могущественным шагом к уяснению Обломова с его обломовщиной»[1]. Если «Сон Обломова», по словам Дружинина, «расшил, узаконил и уяснил собою тип героя», то новым и последним шагом в процессе творчества стало создание Ольги Ильинской, ибо без неё и «без её драмы с Обломовым не узнать бы нам Ильи Ильича так, как мы его теперь знаем». А вот, по словам критика, каким казался Илья Ильич полюбившей его Ольге: «Она разглядела в нём и нежность врождённую, и чистоту нрава, и русскую незлобивость, и рыцарскую способность к преданности, и решительную неспособность на какое-нибудь нечистое дело, и наконец - чего забывать не должно, - разглядела в нём человека оригинального, забавного, но чистого...».

Дружинин ведал, что читатели задаются и такими вопросами: «Если Обломов действительно добр как голубь, то почему автор не выразил перед нами практических проявлений этой доброты, если герой честен и неспособен на зло, то почему же эти почтенные стороны его натуры не выставлены перед нами осязательным образом? Обломовщина, как ни тяготей она над человеком, не может же вывести его из круга той вседневной, мелкой, насущной деятельности, которой, как всякий знает, всегда достаточно для выражения привлекательных сторон нашей натуры. Отчего же все подобные выражения натуры у Обломова исключительно пассивны и отрицательны? Отчего, наконец, он не совершает перед нами даже самого малого дела любви и кротости, хотя бы дела, которое может быть покончено без разлуки с халатом, - почему он не скажет приветливого и задушевного слова хоть одному из второстепенных лиц, стоящих около него, хотя бы в награду за всю их преданность?»[2].

Читателям-скептикам нетрудно было бы увеличить перечень недоуменных вопросов. Отчего этот влюблённый «джентльмен» зевает в присутствии девушки? Разве настоящий христианин может гордиться тем, что «ни разу не натянул чулок на ноги», да и вообще ничего не умеет делать? Что это за любовь Обломова к Ольге, если он, ради своего покоя, не съездит в имение, чтобы перед женитьбой привести его в порядок? Разве это честно и по-рыцарски - предлагать Ольге, выразившей согласие быть его женой, для доказательства своей любви сначала побыть любовницей?

В том же 1859 году в журнале «Рассвет» была опубликована рецензия 19-летнего Дмитрия Ивановича Писарева на роман «Обломов». Высоко оценив талант автора, молодой критик заявил: «Мысль г. Гончарова, проведённая в его романе, принадлежит всем векам и народам, но имеет особенное значение в наше время, для нашего русского общества. Автор задумал проследить мертвящее, губительное влияние, которое оказывает на человека умственная апатия, усыпление, овладевающее и сковывающее собою все лучшие, человеческие, разумные движения и чувства. Эта апатия составляет явление общечеловеческое... Илья Ильич Обломов, - продолжал Писарев, - герой романа, олицетворяет в себе ту умственную апатию, которой г. Гончаров придал имя обломов-

[1] *Дружинин А. В. Литературная критика. М., 1983. С. 300.*
[2] *Там же. С. 308.*

Весьма показательно ознобишинское отношение к изменениям к лучшему содержания «Симбирских губернских ведомостей»: если «во время *обломовщины* (курсив мой. - **Ж.Т.**) в них публиковались сухие официальные материалы, то теперь газета имеет неофициальную часть, отражающую общественную и частную жизнь. Употребление поэтом-публицистом слова «обломовщина», конечно же, импонировало романисту, вникавшему и в Петербурге в редакторскую деятельность брата-учителя. Думается, что Иван Александрович, который сразу же по возвращении в Петербург займет пост главного редактора газеты «Северная почта», учтет опыт редакторства брата Николая.

Работа над рукописью «Обрыва» на родине в столь тревожную пору не ладилась, и в этом же письме к Никитенко Иван Александрович с грустью, а местами и с негодующими нотками, поделился с обуревающими его мыслями: «Пиши» - говорят, иные лицемерно, а другие оттого, что не могут отличить канцелярского писанья от писанья литературного. «Пиши» - твердят, когда нельзя писать, когда на носу бури и пожары, от которых искусство робко прячется, когда надо писать грязью или вовсе не писать; пиши, твердят, когда все опротивело, на душе стоят слезы, когда чувствуешь, что пережил годы писанья, как пережил годы страстей и завял. Нельзя писать и не стану, разве только придется писать доклад или записку. Забавно слушать, когда воображают, что лень может удержать от творческого дела, нет не лень, а миллион других психологических, физиологических и просто логических причин...[17]. А.Г Цейтлин в примечании к этому письму Ивана Александровича пишет: «Бури и пожары» привели его к решению оставить перо». Думается, уважаемый профессор относил только к этому тревожному времени, ибо в 1865 году работа над романом «Обрыв» возобновится с новой силой.

Седьмого июля Николай Гончаров опубликует в «Симбирских губернских ведомостях» предписание попечителя Казанского учебного округа о закрытии воскресных школ, в том числе в Симбирске, Сызрани и Ардатове. Эхо петербургских пожаров докатилось и до Симбирска. 23 июня «Симбирские губернские ведомости» на первой странице опубликовали сообщение: «Государь Император высочайше соизволил разрешить Главным начальникам и начальникам губерний руководствоваться, в случае обнаружения злонамеренных поджогов в пределах вверенных им губерний, теми же правилами для производства дел о поджигателях, которые установлены для С.-Петербурга. На сем основании все виновные в поджогах подлежат военному суду по полевым уголовным законам».

Из письма К. Гавриловой, отправленного из Симбирска 26 июня 1862 года в Петербург своему земляку-публицисту Н.М. Соколовскому, видно, что она возмущена закрытием на 8 месяцев «Современника». «В Симбирске все попрежнему, - продолжает она. - Софья Ивановна, как всегда, ругает вас, даже уверяла меня, что с приездом Соколовского к Минаевым выгорел Петербург, кто же виноват, как не они, губители своего отечества»[18]. О высказываниях такого рода, безусловно, знал Николай Гончаров, ибо в прошлом году он вместе с Соколовским преподавал в воскресной школе, а Гаврилова входила в дружеский кружок его коллег по гимназии. В интеллигентной среде открыто говорили, что острообличительные сеансы «Губернской фотографии», публиковавшиеся в столичном журнале «Гудок», редактировавшемся поэтом Дмитрием Минаевым, - это, мол, дело рук симбирской «шайки нигилистов».

Иван Александрович немало раздумывал над злободневными событиями в общественной жизни, но внешне старался выглядеть спокойно. Утром обычно трудился в садовой беседке, куда и являлась отчитаться за данные им уроки Дуняша. «Я очень порядочно говорила по-французски, - вспоминала она впоследствии, - и дядя заставлял меня часто читать ему вслух лучшие отрывки из французской литературы, всегда выбирая их сам или направляя мой выбор. Попадались иногда в чтении слова, смутно понимаемые мной, и дядя объяснял мне их очень полно, наглядно и ясно»[19]. Постепенно, по мере проверки ее познаний, писатель посоветовал сестре и мужу поместить Дуняшу в тот московский пансион, который только что окончили ее кузины Вера и Катя Кирмаловы.

Почти в каждом номере «Симбирских губернских ведомостей» появлялась хроника событий культурной жизни города. Так, 29 мая в городском театре, содержавшимся

[17] *Гончаров И.А. Собр. соч. в 8 томах. Т. 8. С 339.*
[18] *ЦГА РФ. Ф. 109, 1 эксп., 1864, д. 287, л. 1.*
[19] *Огни. Вып. 1. С. 182.*

уловлена г. Гончаровым, во многом возбуждает наше негодование, но мы не признаем её плодом гнилости или растления»[7].

После того как некоторые критики заявили во всеуслышание, что основные выводы добролюбовской статьи «Что такое обломовщина?», мол, устарели, в учебных заведениях и в средствах массовой информации популярными стали темы «Обломов - яркий представитель русского народа» и «Обломовщина» - национальная черта русского народа». При этом игнорируется высокая оценка статьи Добролюбова, данная Гончаровым и его современниками, скажем, педагогом и писателем В.П. Острогорским. Между прочим, доктор медицины и создатель Симбирской губернской психоневрологической лечебницы В.А. Копосов в своей брошюре, посвящённой 100-летию со дня рождения И.А. Гончарова, тоже высоко отзывался о знаменитой статье Добролюбова. А в Ульяновске находятся краеведы, громогласно высказывающие пожелание: «Побольше Обломовых, хороших и разных!». В 2006 году у неких чиновников культуры возникла даже идея сделать символом нашего города Обломова, «обаятельного лентяя»[8].

Нелишне припомнить, что Добролюбов эпиграф для статьи «Что такое обломовщина?» взял из поэмы Гоголя «Мёртвые души», где говорилось: «Где же тот, кто на родном языке русской души умел бы сказать нам это всемогущее слово «вперёд»? Веки проходят за веками, полмильона сидней, увальней и болванов дремлет непробудно, и редко рождается на Руси муж, умеющий произнести его, это всемогущее слово...». Иван Александрович, считавший Гоголя одним из своих учителей, в «Обломове» не произнёс «всемогущего слова», но этим романом, как и другими произведениями, он призывал между строк вдумчивого читателя всемерно содействовать движению России вперёд.

Последнее пребывание на родине

После публикации романа «Обломов» в «Отечественных записках» 1859 года, а затем и выхода в том же году романа отдельным изданием Иван Александрович занял одно из почетнейших мест в русской литературе и стал европейски знаменитым писателем. Даже в небольшом немецком курортном городке Мариенбад, где он летом 1860 года лечился целебными водами, ему не давали покоя. «Сюда наезжает много русских и почти все делают мне честь желать со мною познакомиться, - сообщал он в июне 1860 года профессору-литератору А.В. Никитенко. - Можете себе представить, как это по моему характеру веселит меня! Вот уже я познакомился с одной княгиней, с двумя князьями, с двумя начальницами институтов, и оттого меньше хожу, меньше пишу, даже от тоски меньше ем и сплю»[9]. А ведь он мечтал здесь уединиться и поработать над «Обрывом», который, по его словам, зачался в 1849 году во время «посещения берегов «Волги», то есть Симбирска.

В письме от 7 января 1861 года к сестре Александре Александровне, проживавшей в симбирском селе Хухореве, Иван Александрович с грустью подвел невеселые итоги прошедшего года: «Я бросил службу (цензорскую. - **Ж. Т.)**, потом не совсем удачно съездил за границу, пил воды, купался в море, а осенью опять возобновились припадки печени, желчь и полнокровие не дают покоя»[10].

Но в январе - феврале того же года «Отечественные записи» опубликовали отрывки «Бабушка» и «Портрет», и писатель нашел в себе силы и волю для продолжения работы над «Обрывом». Но обнародование царского манифеста об освобождении от крепостной зависимости и последовавшие за ним крестьянские волнения, а также студенческие «беспорядки», обострение в печати борьбы между крепостниками и либералами - все это не могло не волновать Ивана Александровича, глубоко любившего свою родину и верившего в ее великое будущее.

Взвесив все за и против о месте своего отдыха, он решил провести его летом 1862 года на Волге и, получив предварительное согласие младшей сестры Анны Александровны Музалевской и ее мужа-доктора, в мае выехал из Петербурга в Симбирск, чтобы

[7] *Дружинин А.В. Литературная критика. С. 309.*
[8] *Симбирский курьер, 2007, 6 сентября.*
[9] *Русская старина, 1914, кн. 2, с. 416.*
[10] *Вестник Европы, 1908, № 12, с. 422.*

Только у нас

щины. Слово обломовщина не умрёт в нашей литературе: оно составлено так удачно, оно так осязательно характеризует один из существенных пороков нашей русской жизни, что, по всей вероятности, из литературы оно проникнет в язык и войдёт во всеобщее употребление»[3].

Живучести этого слова способствовал и Владимир Иванович Даль, который в «Толковом словаре живого великорусского языка», вышедшем в свет 1863-1866 годах, пояснял читателям: «Обломовщина, усвоено из повести Гончарова, русская вялость, лень, косность, равнодушие к общественным вопросам, требующим дружной деятельности, бодрости, решимости и стойкости, привычка ожидать всего от других и ничего от себя; непризнание за собою никаких мирских обязанностей, по пословице: на других надеется, как на Бога, а на себя как на черта».

Известный поэт и критик Аполлон Александрович Григорьев, словно равняясь на мудрого и великого труженика Даля, архилаконично заметил, что: «мораль «Обломова» басенно поучительна: «Возлюби труд и избегай праздности и лени - иначе впадёшь в обломовщину и кончишь, как Захар и его барин»[4].

Фёдор Михайлович Достоевский в своём высказывании об Илье Ильиче тоже был лаконичен: «Это лентяй, да ещё вдобавок *эгоист* (курсив мой. - **Ж. Т.**). Это даже не русский человек. Это продукт петербургский. Он лентяй и барич, но и барич уже не русский, а петербургский»[5]. И трудно не согласиться с этим суждением знаменитого писателя. Разве в родном городе, скажем, в Симбирске, родные, кумовья и крёстные, друзья детских и юношеских лет, соседи, знакомые, да и многочисленная дворня - позволили бы Илье Ильичу годами, по целым дням, лежать на диване и жить байбаком, тунеядцем? Приходится удивляться, как это руководители культуры нашей Северной столицы до сих пор не установили у тамошнего Мемориального музея Ф.М. Достоевского «философский диван» и не проводят в городе «Обломовские фестивали». И там, в Петербурге, заниматься установлением прототипов Ильи Ильича Обломова.

Далее. Ф.М. Достоевский далеко не лестно отозвался о личности героя романа «Обломов» и назвал его «эгоистом». Эгоизм и доброта - качества несовместимые в характере одной личности. Однако, как это ни странно, но полтора века спустя гоголевед и критик Игорь Петрович Золотусский, взявшийся за создание фильма об И.А. Гончарове, заявил 4 июня 2011 года в интервью ульяновскому корреспонденту, что он Обломова за «отрицательного героя не считает и очень любит. У Обломова золотое сердце, он умный и добрый человек. Но умных много, а добрых мало. По моему мнению, добрый выше умного, потому что он принадлежит всему человечеству»[6].

В наши дни усиленно муссируется мысль о том, что «Илья Ильич Обломов - коренной наш народный тип». Уместно в связи с этим привести из статьи Дружинина высказывание на это злободневное суждение: «Обломовщина, так полно обрисованная г. Гончаровым, захватывает собою огромное количество сторон русской жизни, но из того, что она развилась и живёт у нас с необыкновенной силою, ещё не следует думать, чтоб *обломовщина принадлежала одной России* (курив мой . - **Ж. Т.**). Когда роман, нами разбираемый, будет переведён на иностранные языки, успех его покажет, до какой степени общи и всемирные типы, его наполняющие. По лицу всего света рассеяны многочисленные братья Ильи Ильича, то есть люди, не подготовленные к практической жизни, мирно укрывшиеся от столкновений с нею... Русская обломовщина, так, как она

[3] *Писарев Д.И. Сочинения в четырёх томах. Т. 1. М., 1955. С. 5.*
[4] *Григорьев Ап. Искусство и нравственность. М., 1986. С. 192.*
[5] *Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. в 30 томах. Т. 20. Л., 1971. С. 289.*
[6] *Симбирский курьер, 2011, 4 июня.*

кондитером А.М. Слепневым, гастрольная труппа под руководством Карла Велле дала представление в пользу «бедных благородного состояния». Примечательно, что Софья Петровна Давыдова, племянница поэта Николая Языкова и невестка Дениса Давыдова, распорядилась вручить вверенную ей часть выручки Николаю Александровичу Гончарову «для раздачи, кому следует»[20].

Возможно, что писатель по каким-то причинам и не посетил этот благотворительный спектакль. Но вряд ли он удержался от посещения представлений московских артистов, которые дали в Симбирске драматический актер Василий Живокини и «первый тенор» Михаил Владиславлев: ведь по сообщению газеты «все ложи и кресла в театре были полны». На музыкально-литературном вечере 15 июня Живокини читал отрывок из книги «Об умирающих» Н. Щедрина, пел комические куплеты, романс Глинки и отрывок из оперы Верди. А 20 июня он сыграл главную роль в спектакле «Стряпчий» И. Докучаева, а потом прочел «Рассказ о Гарибальди» А. Суворина. Для Ивана Александровича Василий Игнатьевич Живокини - не только талантливый актер и коллега Михаила Семеновича Щепкина, многих других корифеев московской сцены, но и добрый личный знакомый, с которым довелось даже сидеть за одним столом и слушать произносимые им остроумные анекдоты или шутки по адресу общих знакомых, наслаждаться его заразительной веселостью.

Чтобы представить, каким увидели актера симбиряне 15 и 20 июня 1862 года, уместно привести строки из очерка о комике, представленного П.Б. Боборыкиным Ивану Александровичу как редактору сборника «Складчина»: «Фигура комика, его круглое, подвижное и необычайно смехотворное лицо, задевающий исключительно струны комизма и смеха с легким носовым оттенком, отчетливая, сочная интонация, в которой каждое слово произ-водит свой эффект, сказано ли оно просто или с особым ударением; все это сливалось в Живокини в один живой аппарат, не знавший себе отдыха в деле жизненных проявлений веселости, смеха и комической энергии...»

О взаимоотношениях И.А. Гончарова с Живокини дают представление строки письма романиста к приятелю Николаю Петровичу Боткину, посланного из Петербурга в Москву и начинающегося с признательности за то, что Боткин, выполняя его просьбу, прислал «табачное зелье» через именитого лицедея В.И. Живокини. «Не мнил я, государь, - продолжал в шутливом тоне Иван Александрович, - толикаго греха понести, что в среду первой недели Великого Поста, не токмо о бок с ним за одним столом сидел, но и был от него, якобы по Вашему велению, государь, флягою фряжского (чужеземного. - **Ж. Т**.) зело изрядного вина чествован. Не верю тому, чтобы Вы... поползнулись меня в таковое окаянство ввести, а мне так, что сей лицедей, по воле своей и токмо по наущению дьявольскому, на мою христианскую душу посягал, понеже, хотя он и являет в себе подобие как бы разумного и честного мужа и пристойные речи держит, но сим и уловляет удобее в сети дьяволу, коему исконно служит, поя ему непрестанно на позорище хвалы и творя непотребные действа, игры и всякие прельщения.

... Дабы Вы меня впредь грамоткою не оставляли, посылаю Вам, государь, через того же лицедея чернильницу, изображающую в аллегории кладезь мудрости, но зело пужаюся, чтобы оная в руках того лицедея, с помощью дьявола, во что-либо поносное или позорное не обратилася». Несмотря на юмористическую форму и нарочито замысловатый, архаичный язык, не трудно заметить чувства приязни, которые испытывал автор письма к знаменитому артисту. И кто бы мог подумать, что не пройдет и четырех месяцев после памятной встречи Гончарова с Живокини в Петербурге, актер будет творить всякие «игры и всякие прельщения» уже на симбирской сцене. Трудно даже представить, чтобы нашлись причины, которые могли бы помешать новой встрече Ивана Александровича с лично знакомым ему именитым лицедеем.

[20] *Симбирские губернские ведомости, 1862, 2 июня.*

повидаться с родными и в спокойной обстановке продолжить работу над «Обрывом». Перед отъездом Иван Александрович зашел в известное в Петербурге фотоателье Карла Бергамаско, сфотографировался и заказал, наверное, с дюжину карточек визитного размера, чтобы одарить ими родных и знакомых.

Одна из этих визиток хранится в Ульяновском музее И.А. Гончарова, и вот как этот снимок описан в каталоге: «Поколенный. Прямоличный. В светлом расстегнутом пиджаке, темном жилете, галстук бантом. Сидит, положив правую руку на столик, в левой трость и сигара». К этому можно добавить, что на этой фотографии, сделанной в канун 50-летия писателя, он выглядит молодцевато, взгляд его выражает решимость продолжать свою многотрудную писательскую деятельность, а также чувство собственного достоинства. Иван Александрович выехал из столицы по Николаевской железной дороге, но в Твери покинул вагон, отправился на пристань и на пароходе доплыл до Нижнего Новгорода, где, после короткой остановки, он сел на настоящий волжский пароход. В Симбирске его встретили сестра Анна Александровна с мужем Петром Авксентьевичем и 14-летней приемной дочерью Дуняшей, которая, будучи уже супругой известного столичного врача Левенштейна, написала небольшие, но ценные воспоминания о дядеромaнисте:

«Ему, разумеется, отдали самую лучшую комнату в доме и предоставили сад, в котором он проводил большую часть времени, беспрепятственно работая в беседке... Он писал, вероятно, «Обрыв», так как часто что-то шутил со мной, называя меня «Верой», а племянницу моего отца - «Марфинькой», на том основании, что племянница имела склонность к хозяйству, а я - к книгам и музыке... Дядя придерживался строго определенного режима, вставал в 8 часов, делал себе холодные обливания и, окончив свой туалет, отправлялся гулять, а после прогулки приступал к своему обычному завтраку... Перед обедом он делал ручную гимнастику. Помню, раз в аллее сада я застала его неожиданно за гимнастикой и хотела убежать, но он остановил меня, сказав, что через несколько минут кончит свои упражнения и тогда позовет проэкзаменовать меня, по просьбе матери, по моим научным занятиям. Я тогда брала частные уроки по всем предметам школьного курса у симбирских учителей, и, между прочим, по русскому языку со мной занимался другой незабвенный дядя, Николай Александрович Гончаров, который много лет был учителем в Симбирской гимназии. Он же занимался со мной год и немецким языком. По-французски я говорила и писала свободно, так как с малых лет у нас была в доме француженка[11].

Нетрудно заметить, что мемуаристка с уважением упоминает старшего брата романиста, хотя и слышала о том, что будто он и стал прототипом учителя Леонтия Козлова в романе «Обрыв». Вместе с тем воспоминания Евдокии Левенштейн позволяют считать, что в числе других ее гимназических учителей вполне мог быть Михаил Иванович Чугунов, о котором я рассказывал в книге «Наш Гончаров».

В своих воспоминаниях дочь Музалевских не назвала адреса, по которому проживали родители и, конечно же, ей неведомо было, куда именно «отправлялся гулять» писатель. Что касается дома Музалевских, то краеведы А.И. Титовский и И.В. Смирнова считают, что он находился напротив стоматологической поликлиники на нынешней улице Кузнецова. Мне же представляется, что дом Музалевских стоял ближе к Тихвинскому спуску и Зотовскому переулку. К сожалению, дом этот не сохранился и пока неизвестно даже, как он выглядел, когда там проживал писатель. Известно только, что нижний этаж был каменным, верхний - деревянным, а в большом саду усадьбы имелась беседка с прекрасным видом на Волгу, в сторону сельца Киндяковка[12].

Что же касается ежедневных прогулок Ивана Александровича, то в один из первых дней его пребывания в Симбирске, во время прогулки на Новом Венце, его не узнал пришедший сюда же старший брат учитель. Романист, любитель шуток и розыгрышей, надвинул чуть ли не на глаза широкополую шляпу, прикинулся петербургским знакомым Николая Александровича[13]. После этого эпизода, похожего на легенду, Иван Александрович не раз наведывался к брату Николаю, проживавшему с женой Елизаветой Карловной и 9-летней дочерью Ольгой в гимназическом доме, в 15-ти минутах ходьбы от усадьбы Музалевских. Помимо родственных и будничных житейских дел, братья с глазу на глаз обменивались мнениями по злободневным проблемам эпохи падения крепостного права. Николай Александрович, уже седьмой год являвшийся редактором неофициальной части «Симбирских губернских ведомостей», получал газеты и журналы и снабжал ими брата-писателя, а также рассказывал о важнейших событиях политической и культурной жизни Симбирска и губернии.

Конечно же, Николай Александрович сопровождал дорогого гостя в Карамзинскую общественную библиотеку, где читальный зал и комнату заседаний комитета украшали бюсты Н.М. Карамзина, И.И. Дмитриева и Н.М. Языкова, а также портреты Петра и Александра Языковых, П.А. Кикина, Н.И. Тургенева, М.П. Баратаева, В.Н. Анненковой, Д.П. Ознобишина и ...И.А. Гончарова! Так Иван Александрович зримо убедился в том, что читатели-земляки удостоили чести быть представленным в самой почетной галерее города и губернии. И в душе дал клятву содействовать процветанию родной публички, одной из лучших в провинциальной России. Однако обострение политической обстановки в стране, когда под подозрение попадала любая просветительская деятельность, сказывалось и на выдаче читателям книг на дом: если в 1861 году их было 317, то в 1862-м - лишь 238[14].

В письме к сестре Александре Кирмаловой Иван Александрович попросил захватить с собой в Симбирск и няню Аннушку. Сестра привезла из Хухарева дочерей Катю и Варю, недавних выпускниц московского частного пансиона, и ослепшую Аннушку, которую он окружил трогательным сыновним вниманием и любовью. Не медля, он отвез любимую няню в фотоателье, чтобы иметь ее фотографию в своей петербургской квартире.

Вот в такой многолюдной обстановке Иван Александрович написал профессору А.В. Никитенко 17 июня письмо в Петербург, придав ему юмористический оттенок: «Живу я среди своих, собравшихся тесной семьей около меня, в маленьком домике, набитом, как улей, все родными обитателями. Мне тут приятно, привольно, покойно и мирно-скучно. Эту мирную скуку и тихий сон души будят подчас неистовые, долетающие оттуда, от Ваших мест дикие вопли, плач и скрежет зубов с пожарищ. Что за ужас, что за безобразие! Хотелось бы послушать правды, узнать, в чем дело, кто, что, как? А здесь узнать нельзя: газеты на что-то намекают и недоговаривают, изустная молва городит такие чудеса, что береги только уши!»[15].

Иван Александрович имел в виду громадный пожар Апраксина рынка в Петербурге 28 мая 1862 года и обвинения реакционной прессой передовой молодежи и студентов в воспитании «поджигателей». В реакционной печати появились и требования о закрытии воскресных школ для народа, ибо там тоже якобы раздавались призывы «жечь Петербург»[16]. И уже 13 июня 1862 года столичная газета «Северная почта» сообщила, что правительство «за вредное направление» решило закрыть воскресные школы в Петербурге, а также приостановить на 8 месяцев издание «Современника» и «Отечественных записок». Нетрудно представить, какие чувства обуревали редактора Николая Гончарова, когда он готовил перепечатку этого постановления для «Симбирских губернских ведомостей»: ведь он сам ратовал недавно, в 1861 году, за развитие таких школ в Симбирске и преподавал в воскресной школе при гимназии.

С освещением хода крестьянской реформы, других злободневных вопросов в симбирских «Ведомостях» выступал поэт, публицист и общественный деятель Дмитрий Петрович Ознобишин, давний сотрудник Николая Гончарова. Так, 17 марта 1862 года в газете появилась его большая статья «Дворянские выборы в г. Симбирске», в которой говорилось о необходимости скорейшего изменения «веками сложившейся хозяйственно-экономической физиономии». В статье «Выставка сельских произведений в Симбирске», напечатанной 15 сентября, Ознобишин выразил уверенность, что «после двухвекового несправедливо угнетавшего крестьян рабства» уйдет в прошлое и барство, над которым «посмеялся Грибоедов в своей бессмертной комедии!».

[11] *Огни. Вып. 1. С. 178.*
[12] *Ульяновская правда, 2001, 16 июня.*
[13] *Вестник Европы, 1908, № 11. С. 14.*

[14] *Трофимов Ж. Рассказы о Карамзинской общественной библиотеке. Ульяновск, 2008. С. 54-55.*
[15] *Гончаров И.А. Собр. соч. в 8 томах. Т. 8, с. 339.*
[16] *Никитенко А.В. Дневник в 3 томах. Т. 2. М., 1955, с. 277.*